

шел я лесом, встретил беса

Газета - 2003 - 26 июня
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ С. Н.

Американский россиянин Роман Солодов написал роман «Россиянка Дженифер» и опубликовал его в России. Сюжет состоит в следующем.

Молодая и привлекательная замужняя дама Дженифер, которая поначалу вовсе даже не россиянка, а напротив того, американка, врач и мужняя жена, встречается на своем пути беса. Или даже скорее так — бес встречается ее на своем пути. А встретив, влюбляется и начинает по-своему, то есть по-бесовски, приставать. В результате и Дженифер в свою очередь влюбляется в беса. Что дает бесу любовь — сказать трудно, а вот Дженифер получает многое.

Во-первых, она познает в полной мере радости секса. То есть — истинное наслаждение, а не семейную регулярную рутину. Во-вторых, у нее открываются разного рода чудесные способности (вплоть до телекинеза). В-третьих, она прозревает в вещих снах тайну своего происхождения. В жилах ее, как оказывается, течет кровь Иоанна Грозного, Емельяна Пугачева и других более или менее знатных россиян. Ощувив в себе древнюю кровь пращуров, Дженифер начинает изучать русский язык и собирается ехать в Россию.

На этом роман заканчивается, впрочем, недвусмысленно намекая читателю на дальнейшее продолжение приключений госпожи Дженифер, но уже в России. И если пытаться искать смысл в этом сочинении, то, вероятно, именно в этом он и состоит. То есть в возможности продолжения, превращения романа в сериал, в бесконечную историю, приправленную отчасти булгаковской стилистикой, отчасти стилистикой американского остросюжетного романа.

Почти одновременно с «Россиянкой Дженифер» на российском книжном рынке появился роман Игоря Малышева «Лис». В отличие от Романа Солодова Игорь Малышев в Америку не уезжал. Своего «Лиса» он создавал исключительно на российской почве, что лишний раз подчеркивает и первая публикация произведения в журнале «Москва». Но, как известно, не только «быстрых разумом Невтонов» может рождать российская земля. И демонам не все же быть заезжими иностранцами вроде мистера Воланда со товарищи.

Главный герой Малышева — наш отечественный бес по имени Лис, живущий в русском лесу. Что именно в русском лесу, разумеется, значимо. Бес трактуется почвенно, то есть сентиментально. В сущности, Лис вполне невинное и душевное существо. Занимается он шалостями, проказами и мелким хулиганством — но без злобы и членовредительства.

Автор из кожи вон лезет, чтобы сделать Лиса симпатичным. Наделяет его трогательными чертами, гуманизмом, человеколюбием («Любить. Людей. И все, — задумчиво проговорил Лис»), открытым, незамутненным и радостным восприятием мира («Лис в жизни знал только одну великую радость — жить в этом мире, двигаться вместе с планетой, утопать в снегах зимой, бегать по лужам летом, рыть ходы в сугробах и спать в траве под свист перепелок и мигание звезд. Не было для него ни большей радости, ни меньшей. Просто Лис не был человеком»), а также Тайной («Конечно, у Лиса была Тайна, только ее никто, кроме него, не видел»). Последняя наиболее важна, хотя и наименее понятна. Что это за Тайна, сказать трудно, однако уже при первом упоминании в ней проступают некоторые антропоморфные черты: «Тайна обнимала его, опускала прохладные ладони на виски, заглядывала в глаза бездонным и ласковым взглядом, гладила по голове, что-то шептала на ухо».

Впрочем, в конце романа туман рассеивается, и Тайна обретает вполне человеческий облик: «Она стояла посреди болота в облачке пара над темной водой. Она не была ни ребенком, ни взрослой женщиной. Она навсегда остановилась в том возрасте, когда дети только вступают в мир взрослых».

Можно считать, что в этом сюжете и состоит, то есть он заключается в превращении аморфной Тайны в достаточно определенную девочку-подростка. Короче говоря, все та же любовь, но исключительно духовная, на фоне леса, леших, ведьмы Лели, скомороха, попа, деревни и русской сказочности. В общем, мило, хотя и несколько бессмысленно.

В этом и суть. Забавно, что два совершенно не похожих русскоязычных писателя, на разных концах земного шара написали одинаково бессмысленные вещи, одинаково оформив бессмыслицу чертовщиной. Хотя и каждый — на свой лад. Выхолощенность налицо и в первом, и во втором случае. Потому что какая разница, что ты перепевашь — роман Булгакова или балладу Катенина. Стилистическое наполнение может быть каким угодно. Язык может питаться из любого источника. Общим остается одно — абсолютное безмыслие.

Создается иллюзия художественного мира — а самого мира нет. В этом, пожалуй, и заключается злая бесовская шутка, зловредная дьявольская природа. Бес манит волшебством и мистическим антуражем, странностями и невиданными возможностями — но весь этот иллюзорный мир не более чем мираж, морок, оборачивающийся тоскливой пустотой. Причем безо всякой тайны (не говоря уже о Тайне).

У Ремизова в его замечательной стилизации древнерусской повести «Савва Грудцын» бес выступает (как ему и положено) существом без хребта. Это и есть лучшая модель материализовавшейся пустоты, видимость обретшего Ничто. Бытия без стержня, без основы.

Само по себе это Ничто — ничего не значит. И значить не может. Оно может служить формой, но не более. Оно требует «хребта», «стержня», то есть авторской мысли и воли. Оно творчески бессильно, куда ты его ни помещай — в русский лес или в американский Нью-Йорк.